

Александр Житинский

ДИТЯ ЭПОХИ
И ДРУГИЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ
ЛИЦА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ж 74

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-33083-2

© А. Н. Житинский (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Младший научный сотрудник Петр Николаевич Верлухин родился в 1968 году на факультете радиоэлектроники Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, в факультетской стенгазете «Резонанс», а точнее, в отдельном литературном приложении к этой газете, которое называлось «Транс».

В то время я только что закончил отбывать аспирантуру на кафедре информационных и управляющих систем и был принят на работу на другую кафедру — физики полупроводников — в качестве младшего научного сотрудника с окладом 105 рублей.

Я говорю «отбывать», потому что трехгодичное обучение (пребывание) в аспирантуре было затеяно исключительно с целью иметь свободный график работы, чтобы совершенствоваться в другом деле, которое я уже избрал, а именно — в сочинительстве. Поэтому о защите диссертации я не помышлял, а закончив срок, избрал тихое место на другой кафедре, где за минимальные деньги можно было получить максимальную свободу.

Благодаря этой свободе и был затеян «Транс» — литературное приложение к стенгазете «Резонанс», ежемесячно вывешиваемое на отдельном большом листе на лестничной площадке между первым и вторым этажами второго корпуса ЛПИ. Создавали его два человека — ассистент кафедры физической электроники Михаил Михайлович Бутусов, сын знаменитого ленинградского футболиста, впоследствии доцент и профессор, который рисовал заголовки, иллюстрации и вообще все, что нужно было рисовать, и я, который писал все тексты.

А тексты были самые разнообразные — стихи, пародии, статьи на литературные темы (например, сравнительный анализ

поэзии Окуджавы и Высоцкого), публикации малоизвестных материалов и пр. Но «гвоздем» газеты с самых первых номеров, которые мы торжественно вешали с Мих-Михом (кстати, прототипом Мих-Миха в повести «Глагол „инженер“» впоследствии), стали короткие рассказы из серии «Записки МНС» с главным героем-рассказчиком Петей Верлухиным.

Я писал по два-три рассказа к каждому номеру и, не скрою, с тайной гордостью наблюдал издали, как их читают студенты и преподаватели, смеются и даже переписывают в тетрадки.

Это было замечено начальством и, начиная с третьего номера, меня обязали показывать газету в партбюро перед тем, как вешать на стену. Впрочем, цензура сводилась к тому, что приходилось заклеивать две-три фразы в каком-нибудь рассказе. Тексты, естественно, печатались на пишущей машинке.

Так продолжалось несколько лет, пока я не перешел работать в другое место, и уже там, при более оплачиваемом, но таком же свободном графике, не написал шесть повестей с тем же героем, которые публиковались в разных журналах («Аврора», «Студенческий меридиан», «Звезда») и вызвали симпатию публики и разгромную критику в «Литературке» и даже в «Правде». В те времена это было настоящим признанием.

Полностью отдельной книгой мне удалось опубликовать этот цикл лишь в 1994 году под общим названием «Дитя эпохи», каким я и считаю мое Alter Ego — Петю Верлухина.

Александр Житинский

ВСТУПЛЕНИЕ¹

Очень много приходится врать.

Даже не лгать — нет, а именно врать. По мелочам, ради спокойствия или ерундовой выгоды. Не думайте, что я такой плохой, а вы такие хорошие. Все мы одинаковы. И все считаем себя в душе честными людьми.

Труднее всего сказать правду о себе. Я несколько раз пытался, но ничего не выходило. Очень было страшно.

Казалось бы, чего проще? Берешь чистый листок бумаги и пишешь что-нибудь в таком роде: «Я, Верлухин Петр Николаевич, родился тогда-то. Жил там-то, учился там-то... Родители, брат, сестра. Жена, дети...» И все это будет чистой правдой. Особенно если приложить к этому листку заполненную анкету и заявление о приеме на работу. В любом отделе кадров такой чистой правды полный шкаф.

Но попробуйте написать о себе честно, не стараясь показаться хорошим. В сущности, мы только и делаем, что стараемся показаться лучше, чем есть. Сколько вранья нагромождено, чтобы окружающие наконец сказали: «Да, это честный и добрый парень!» Ради этого мы здорово изворачиваемся. Сколько компромиссов с совестью, сколько полусогласий и полупоступков! Сколько фиг расцветает в наших карманах! Как изящно мы обманываем самих себя, убеждая в собственной непогрешимости! Дипломатические разговоры с порядочностью ведутся на столь высоком уровне, что наивная наша совесть наконец засыпает, и мы уходим от нее на цыпочках, боясь потревожить.

Впрочем, буду говорить о себе.

¹ Опубликовано в книге «Дитя эпохи» (СПб.: Новый Геликон, 1994).

ВСТУПЛЕНИЕ

Правда заключается в том, что я боюсь правды. И в то же время страшно хочу ее узнать. Я хочу знать о себе все досконально, хотя понимаю, что это не принесет мне счастья и не доставит радости.

И все-таки что-то заставляет меня изложить свою биографию так, как мне хочется. Не для отдела кадров. Если я добьюсь одной трети правды — это будет прекрасно. Тридцать три процента правды — весьма высокий КПД для любого связного текста.

ГЛАГОЛ «ИНЖЕНЕР»

БЕЗ ПЯТИ МИНУТ

В один прекрасный день я осознал, что заканчиваю институт.

Это было в начале сентября, когда нас собрали на кафедре, в лаборатории измерительной техники, и объявили, что начинается преддипломная практика.

Все обставили очень торжественно. Принесли откуда-то доску и водрузили ее на звуковой генератор. Профессору сделали возвышение. Преподаватели стояли неровным строем, заложив руки за спину. Они испытующе смотрели на нас. А мы победоносно смотрели на них, потому что знали, что теперь поделаться с нами ничего невозможно. Они просто обязаны нас выпустить с дипломами.

Профессор вскарабкался на возвышение и сказал:

— Немного вас осталось, друзья мои...

— Вашими заботами, Юрий Тимофеевич, — пробормотал Сметанин, который сидел рядом со мной. Сметанина пытались выгнать дважды, но он каким-то чудом удержался. Вместе с ним удержались еще семнадцать человек из первоначальных двадцати пяти. Институт у нас, надо сказать, крепкий.

— Но ничего. Мал золотник, да дорог, — продолжал профессор. — Я поздравляю вас с началом шестого, последнего, дипломного курса. Вы уже без пяти минут инженеры...

Я посмотрел на часы. Было десять минут первого. Следовательно, в двенадцать пятнадцать мы должны были превратиться в инженеров. Я стал ждать.

Профессор проговорил еще минут пять, и я почувствовал, что действительно что-то во мне произошло. Мне показалось, что нас собираются вывести за ворота и бросить на произвол судьбы. И книжечка диплома являлась маленьким фиговым листком, чтобы им мы могли прикрыть свою наготу.

Прошу понять меня правильно. Не фи́говым, а фи́говым. Это дерево такое в Греции.

Мне стало страшно. До сих пор нас вели из класса в класс, с курса на курс, и создалось впечатление, что вся жизнь разграфлена на классы до самой пенсии и остается только в нужный момент сдать экзамен, посидеть пару ночей — и привет! Ты уже на следующей ступеньке.

Профессор в течение двадцати минут разрушил это представление.

Он сказал, что кончилось наше безмятежное счастье. Теперь оно будет трудным, мятежным и беспокойным. Если вообще будет, в чем профессор был как-то не очень уверен.

Кончилось тем, что он предложил нам выбрать темы дипломных работ, а заодно и руководителей. Каждый доцент, аспирант или ассистент выходил к доске, писал свою фамилию, а рядом тему. Если он находил нужным, он пояснял, что это за тема.

Первым вышел к доске Михаил Михайлович, доцент, который нам читал квантовую электронику. Он, как всегда, был в кожаном пиджаке и с усами, которые он отпустил летом. Ходили слухи, что он невероятно талантлив, поэтому позволяет себе такие молодежные штучки. Он написал на доске десять слов, из которых понятными мне были только три: «измерение», «параметров» и «концентрация».

— Ну, это просто... — сказал он и написал еще одно название: «Теплообмен в слоистых структурах».

— А вот здесь нужна голова, — сказал он.

Голова в нашей группе была одна. Она принадлежала Славке Крылову, и все об этом прекрасно знали. Поэтому мы повернули головы, которые на самом деле таковыми не являлись, к голове Славки.

— Спасай, — прошептал Сметанин. — Мих-Миху нужна голова.

Славка почесал эту голову и безнадежно махнул рукой. Мы облегченно вздохнули.

Было только маленькое опасение, что кому-нибудь потребуется еще одна голова, которой группа не располагала. Нет, конечно, все чего-то там соображали, но настоящая светлая голова была только у Крылова. И он один это отрицал, проявляя повышенную скромность.

Постепенно доска заполнилась названиями и фамилиями. Началось что-то вроде небольшого торго. Девочки уже менялись темами и руководителями. Охотнее всего они пошли бы к Мих-Миху в силу его элегантности, но Мих-Мих презирал умственные способности женщин, о чем неоднократно заявлял на лекциях.

Я всматривался в лица руководителей, пытаюсь найти то единственное, которое не подведет. Все лица были достаточно симпатичны. Все темы были достаточно непонятны. Я решил пустить дело на самотек.

И вдруг профессор Юрий Тимофеевич, который все еще дремал на своем возвышении, проснулся, поискал кого-то глазами и остановил взгляд на мне.

— Верлухин! Подойдите-ка сюда... Я чуть было не забыл.

Я подошел к профессору, испытывая легкое недоумение. Во-первых, было лестно и тревожно, что профессор помнит мою фамилию. Во-вторых, было непонятно, зачем я ему понадобился. Группа замерла в предвкушении.

— Не хотите ли писать дипломную работу по моей теме? — спросил профессор.

Тишина стала жуткой. Что тут ответить? Вообще, имеется ли в подобной ситуации хоть какой-нибудь выбор? Неужели профессор полагал, что я могу отказаться?

— Хочу, — пролепетал я, испытывая тягостное желание припасть к руке профессора.

— Ну вот и прекрасно, — сказал Юрий Тимофеевич, снова погружаясь в дремоту.

— А... Какая... Тема? — выдавил я совершенно бестактно.

— Что? — встрепенулся профессор. Он недовольно посмотрел на меня, поерзал на возвышении и сказал: — Тема... Ну тема как тема!... Не помню, какая тема! — рассердился он. — Приходите завтра, поговорим.

Я мгновенно растворился в группе, съезжился, спрятался и затаих. Мысли стучали во мне, как колесики в будильнике. Я не знал, как расценивать только что случившееся со мной. Требовалось мыслить твердо и логично. И я стал мыслить.

Почему именно я? Я не отличник, не именной стипендиат, не обладаю оригинальным умом и получил у профессора на

экзамене устойчивую «четверку», заработанную усидчивостью и терпением. Таким образом, творческие причины отпадали.

Мои родители не работают в торговле и сфере обслуживания. Они не занимаются распределением жилплощади, не оформляют туристические путевки за границу и не устанавливают телефоны. Отец у меня военный, а мать домохозяйка. Следовательно, профессора нельзя было обвинить и в корыстных интересах тоже.

Может быть, у него есть дочь, которой пора замуж? Но тогда я тоже не представляю интереса по причине всего вышеизложенного. Кроме того, я женат. Я женился после второго курса, у меня уже дочка. Правда, профессор может всего этого не знать.

Так что же, он меня за красивые глаза выбрал?

— Как пить дать, оставит в аспирантуре... Как пить дать! — убежденно прошептал Сметанин. — Везет же олухам!

— Сам ты олух! — сказал я.

Раздача слонов и материализация духов на этом закончилась. Все разошлись, во главе с профессором, который даже на меня не посмотрел. Группа отчужденно молчала. Я почувствовал, что меня отгородили прочной стенкой. Я был приближен к начальству по непонятным причинам, меня возвысили и навсегда лишили доверия коллектива.

Я побрел домой, чтобы рассказать обо всем жене.

«В пять минут, в пять минут можно сделать очень много...» — пел я про себя старую бодрую песенку из кинофильма «Карнавальная ночь».

ГРУЗИНСКИЕ ФАМИЛИИ

На следующий день я пришел на кафедру и справился, где будет мое рабочее место.

Зоя Давыдовна, секретарь кафедры, повела меня по коридору. Мы прошли мимо всех лабораторий и остановились у двери с номером 347. Дверь была серая, неопрятного вида.

— Юрий Тимофеевич обещал быть к двенадцати, — сказала Зоя Давыдовна и ушла.

Я вошел в комнату. Справа стояли два пустых стола, а слева, перегораживая комнату пополам, громоздилось что-то черное,

непонятное, с множеством круглых ручек. Оно было похоже на мебельную стенку производства ГДР, на которую мои родители стояли в очереди. Вся передняя панель стенки была густо усеяна рядами ручек с указателями. Внизу была узкая горизонтальная панель с кучей проводов. Я подошел к стенке и покрутил одну из ручек. Указатель защелкал, перепрыгивая с деления на деление.

— Не трожь! — сказала стенка человеческим голосом.

Я отскочил от стенки к столу и сделал вид, что раскладываю на нем бумаги.

— Выставь потенциометр на прежнее деление, — продолжала стенка ровным голосом.

Теперь я уже знал, что крутил ручку потенциометра. Но какую? Их было штук триста, и я не успел запомнить, какую я трогал. Я снова приблизился к стенке и начал шарить глазами по указателям.

— Ну, чего ты там? — лениво поинтересовалась стенка.

Я схватился за первую попавшуюся ручку и повернул ее против часовой стрелки. Снова раздался треск указателя.

— Ну ты, брат, даешь! — сказал тот же голос, потом за стенкой послышалось шевеление, и из-за нее вышел худой мужчина в черном свитере. Он был мрачен. Подойдя к стенке, он, почти не глядя, нашел сдвинутые мною ручки и восстановил первоначальное положение.

— Чегогуров, — сказал он, протягивая руку. — А это электроинтегратор, — представил он стенку. — Ты его больше не трогай.

— Петя... — сказал я. — Верлухин. Я буду здесь диплом писать.

— У кого? — спросил Чегогуров.

— У Юрия Тимофеевича.

Чегогуров оценивающе посмотрел на меня. Он рассмотрел мое лицо, волосы, пиджак, брюки и ботинки. Мне стало не по себе.

— Годидзе, — сказал он.

— Чего? — не понял я.

— Грузинская фамилия, — мрачно пояснил Чегогуров. — Годидзе.

— При чем тут грузинская фамилия?

— Скоро поймешь, — сказал он и стал разминать своими длинными пальцами папиросу.

Чегогурову было лет под сорок. Он был небрит и нестрижен. Под глазами фиолетовые мешки. Свитер висел на нем, как на распялке. Было видно, что Чегогуров холост, любит выпить и пофилософствовать.

Он дунул в папиросу и закурил. Потом, еще раз взглянув на меня, ушел за электроинтегратор.

Я выбрал себе стол, застелил его листом миллиметровки, который оторвал от рулона, и прикнутил. На стол я выложил из портфеля большую толстую тетрадь, стаканчик для карандашей, стирательную резинку, три разноцветные шариковые ручки, пачку белой бумаги и угольник. Все это я разложил в идеальном порядке. Я люблю аккуратность.

После этого я сел за стол и стал ждать. Была половина двенадцатого.

За интегратором что-то тихонько запищало, потом затюкало и зашипело. Чегогуров пробормотал три слова. Первые два я не расслышал, а последнее было «мать».

Тут распахнулась дверь, и в комнату быстрым шагом вошел Мих-Мих, за которым почти бежал Славка Крылов. Мих-Мих поздоровался со мной, окинул беглым взглядом столы и воскликнул:

— Ага! Так я и предполагал. Стол еще не занят... Располагайтесь! — приказал он Славке.

Славка молча взял с моего стола лист бумаги, подошел к своему столу, написал на листе «Занято» и положил лист на стол.

— Расположился, — сказал он.

— Вот и прекрасно, — сказал Мих-Мих. — Женя, ты не возражаешь? — крикнул он в сторону интегратора.

Чегогуров снова появился, посмотрел на Славку и пожал плечами.

— Что мне, жалко? — сказал он. — А ты, Мишка, большая скотина, — продолжал он, обращаясь к Мих-Миху.

Наш доцент сразу подобрался. Он кинул взгляд на нас, и глаза его стали непроницаемыми. Мы со Славкой сделали вид, что мы глухие от рождения.

— Ты же мне обещал заказать вэту семнадцатые. Я без них тут кувыркаюсь, — сказал Чегогуров.

— Ты не горячись, — сказал доцент и, обняв Чемогурова за плечи, увел его за интегратор.

— А я не горячусь, — сказал Чемогуров. — Но ты свинья.

Мих-Мих что-то ему зашептал, сначала сердитым голосом, а потом умоляющим.

— А иди ты! — проворчал Чемогуров.

Мих-Мих показался из-за стенки с наигранно-бодрой улыбкой на лице. Они с Крыловым уселись за его стол и принялись обсуждать тему диплома. При этом они то и дело хватали чистые листы из моей пачки и писали на них какие-то формулы. Мне стало жалко своей бумаги, потому что многие листы они тут же комкали и кидали в корзину. Это было обидно.

Постепенно они увлеклись и стали кричать друг на друга, пользуясь разными терминами.

— Дэ фи по дэ икс равно нулю! — кричал Мих-Мих.

— Пускай! — кричал Крылов. — А частное решение? Поток идет сюда.

— Сомневаюсь. Надо проверить.

— Да это же и так видно! — кричал Крылов.

— Вам видно, а мне не видно... Стоп! — воскликнул Мих-Мих. — Мне пора на лекцию. К следующему разу прочитайте вот это.

И он написал на листке список литературы. Потом доцент поправил галстук и ушел. Славка еще немного побегал по комнате, переваривая мысли, сел к подоконнику и застыл, уставившись на улицу.

— Нужно делать железо, — внятно произнес Чемогуров за стенкой.

Славка встрепенулся, засунул листок с литературой в карман и убежал в библиотеку. На его столе остался ворох исписанной им и доцентом бумаги. Я вздохнул, сложил листки в стопку и придвинул их на край стола.

Потом я на цыпочках подкрался к интегратору и заглянул за него. Там был закуток, заставленный приборами от пола до потолка, опутанный проводами и погруженный в синеватый канифольный дым. Чемогуров настраивал какую-то схему. На экране осциллографа стоял зеленый прямоугольный импульс. Чемогуров недовольно смотрел на импульс и дотрагивался щупом до ножки транзистора, отчего импульс подпрыгивал.

Стена над столом была облеплена цветными проспектами с изображением цифровых вольтметров, счетных машин, лазеров и прочих штук. Проспекты были наклеены любовно, точно зарубежные красавицы.

— Вот зараза! — сказал Чегогуров и погрузил жало паяльника в канифоль. Брызнула струйка дыма, канифоль зашипела, и Чегогуров прикоснулся паяльником к ножке транзистора. Импульс на экране провалился куда-то, потом всплыл в увеличенном виде.

— Ага! — сказал Чегогуров и откинулся на спинку стула. Тут он заметил меня. — А-а... Ты еще здесь? — протянул он. — Тоже теоретик? — спросил Чегогуров сурово.

— Почему тоже? Почему теоретик? — слегка обиделся я.

— Ну, этот парнишка у Майкла будет теорией заниматься. Верно?

Я сообразил, что Майкл — это Михаил Михайлович. На всякий случай я пожал плечами.

— А ты будешь теоретизировать у шефа, — объяснил Чегогуров.

— Я еще темы не знаю, — сказал я.

— Зато я знаю, — отрезал Чегогуров и снова склонился над импульсом.

Я не успел расспросить его про тему, как в коридоре послышались голоса и щелкнул фиксатор двери. Я вышел из закутка и увидел церемонию, происходящую в дверях. В коридоре перед дверью интеллигентно толкались три человека: Юрий Тимофеевич и два неизвестных. Они пропускали друг друга вперед. Это было удивительно красиво. Жесты их были предупредительны и настойчивы. Юрий Тимофеевич загребал незнакомцев обеими руками, а те в свою очередь пытались пропихнуть его в дверь. Жесты сопровождались соответствующими восклицаниями. Я подумал, что если они таким образом входят в каждую дверь, то уже потеряли много сил и времени.

Наконец им удалось войти. Они протиснулись все сразу, облегченно вздохнули и рассмеялись.

— Разрешите вам представить нашего молодого сотрудника, ответственного исполнителя темы Петра Николаевича Верлухина, — сказал профессор, делая в мою сторону жест раскрытой ладонью.

За интегратором у Чемогурова что-то со стуком упало на пол. А у меня внутри что-то оборвалось, когда смысл сказанных профессором слов дошел до моего сознания.

— Харахадзе, — сказал первый незнакомец, протягивая руку.

— Меглишвили, — сказал второй, делая то же самое.

Тут я их разглядел. Несомненно, это были грузины. Тот, что назвал себя Харахадзе, был высок, сед и красив той красотой, которая сводит с ума некоторых женщин. Меглишвили был покороче и потолще. Глаза у него располагались так близко к переносице, что между ними оставалось расстояние миллиметров в пять. Оба грузина смотрели на меня чуть покровительственно.

— Прошу садиться, — сказал Юрий Тимофеевич, указывая той же ладонью на стулья.

Мы сели. Харахадзе закинул ногу на ногу и достал из кармана пачку американских сигарет. Он церемонно протянул пачку профессору, но тот сделал протестующий жест. Харахадзе перевел пачку ближе ко мне. Я вытянул сигарету и поблагодарил легким кивком. Щелкнула импортная зажигалка. Мы закурили.

— Как я вам уже говорил, Петр Николаевич, мы решили сделать вас ответственным исполнителем новой темы, — начал профессор.

Я важно кивнул, сообразив, что мое дело состоит именно в этом.

— Наши тбилисские товарищи предложили нам договор на научно-исследовательскую работу. Научное руководство темой я взял на себя, а вам предстоит провести непосредственно расчеты...

За стеной опять что-то звякнуло, и послышались сдавленные звуки. Чемогуров веселился от души.

— Зураб Ираклиевич, я прошу вас вкратце рассказать о сути вашей работы... Так сказать, из первых рук, — с улыбкой сказал профессор.

Харахадзе затаился, поискал, куда стряхнуть пепел, но не нашел. Я подsunул ему листок бумаги из своей пачки. Он задумчиво стряхнул пепел и сказал:

— Ми рэжим металл...

После этого он сделал глубокую паузу, во время которой я успел правильно понять фразу.

— Ми рэжим металл, — повторил он, внезапно возбуждаясь. — Вольфрам, титан, ванадий... Ми рэжим лазером...

По-видимому, ему очень нравилось слово «режем». У него даже глаза засверкали. Из дальнейших объяснений я понял, что они «рэжут» и сваривают тонкие листы вольфрама, титана и прочих металлов для электронных приборов, которые они конструируют и изготавливают на своем опытном производстве. Точность требуется феноменальная, потому что приборы маленькие. Их интересуют тепловые процессы, поскольку при сварке лазерным лучом иногда отваливаются припаянные лепестки, выводы и еще что-то. А иногда даже лопается стекло. Короче говоря, мне нужно произвести теоретический расчет тепловых режимов при сварке, чтобы они могли определить, на каком расстоянии от спаев можно «рэзать».

К пониманию проблемы мы пришли общими усилиями в течение сорока минут.

— Ви считаете, ми платим дэньги. Ми рэжим, ви защищаете диссертацию, — веско закончил Зураб Ираклиевич.

Я не стал объяснять, что еще не защитил диплома.

— Вы уж только, пожалуйста, вышлите нам техническое задание, — попросил Юрий Тимофеевич. — Договор мы сегодня подпишем, а техническое задание...

— О чем разговор, Юрий Тимофеевич! — воскликнул Харахадзе.

Меглишвили посмотрел на часы и что-то обеспокоенно сказал по-грузински. Харахадзе погрозил ему пальцем и засмеялся.

— Ну а теперь, друзья мои, ми обедаем. Я правильно говорю, нет? — сказал Зураб Ираклиевич.

Профессор кинул на меня быстрый взгляд. Может быть, он боялся, что я соглашусь так же естественно, как взял американскую сигарету? Но я знал чувство меры. Не хватало мне начинать работу над дипломом с обеда в компании профессора!

— Столик уже заказан, — проговорил Харахадзе игривым шепотом.

— В «Астории», — добавил Меглишвили.

Я вспомнил, что я ел на завтрак. Я ел яйца всмятку и бутерброд с колбасой. Очень хорошая еда на завтрак. Потом я подумал, что сейчас помчусь в нашу студенческую столовую, выбью чек на половинку харчо, шашлык из свинины с рисом и компот.

Получится прекрасный грузинский обед на восемьдесят семь копеек. Это будет праздник.

Все это пронеслось у меня в сознании, пока профессор, опасно косясь на меня, разводил руками и говорил, что у него дела и прочее.

Я тоже развел руками и сказал, что у меня в тринадцать пятнадцать доклад в обществе «Знание» на тему «Перспективы развития лазерной техники». Грузины посмотрели на меня с уважением, а Юрий Тимофеевич с благодарностью.

Таким образом я отпал. Мы долго и душевно прощались, причем Зураб Ираклиевич намекал на мой приезд в Тбилиси, где мы, мол, возьмем свое.

— Если начальство отпустит... — пошутил я, глядя на профессора.

— Непременно, непременно поедете, — сказал Юрий Тимофеевич. Это была компенсация за мой отказ от обеда.

— Где взять такси? — озабоченно спросил Меглишвили. Его явно беспокоил остывающий обед в «Астории».

Они вышли уже не так церемонно, почти по-дружески, и гул их голосов затих в коридоре.

— Интересно, могу ли я, в самом деле, съездить в Тбилиси? — подумал я вслух. — Было бы неплохо...

— Могулия! — крикнул Чемогуров за интегратором. — Грузинская фамилия... Теоретиков надо душить, — задумчиво сказал он.

ДВЕРЬ С ШИФРОМ

Прошла неделя, и постепенно все встало на место. Мы с Крыловым каждый день сидели за своими столами, изучая литературу. То и дело мы затевали долгие разговоры об уравнении теплопроводности и методах его решения. Во время этих разговоров из-за стенки электроинтегратора доносились комментарии Чемогурова. К двум его поговоркам, с которыми я был уже знаком, а именно:

1. Нужно делать железо,
 2. Теоретиков надо душить,
- прибавилось еще несколько. Например:
3. Аплодируйте ушами!

4. Эйнштейн на скрипочке играет.

5. Одним теплом сыт не будешь.

И тому подобная чушь.

Последнюю поговорку он придумал специально для нас, поскольку в наших разговорах слово «тепло» встречалось особенно часто. Тепло идет туда, тепло идет сюда... Но мы не обижались на Чемогурова. Мы уже знали его историю.

Евгений Васильевич Чемогуров был легендарной личностью. О нем рассказала нам Зоя Давыдовна, секретарь, когда мы заполняли листки с названием темы дипломной работы. Кажется, это называлось заданием на дипломное проектирование. Вообще-то, эти задания должен заполнять руководитель, но мой профессор и Мих-Мих безоговорочно доверились нам с первого дня. Поэтому мы сами написали себе задания. Название темы Юрий Тимофеевич продиктовал мне по телефону. Оно звучало так: «Исследование тепловых процессов при обработке металлов лазерным лучом».

Так вот, о Чемогурове. Он учился в одной группе с Мих-Михом, и они там были корифеями. После диплома их сразу оставили в аспирантуре. Мих-Мих пошел нормальным путем, а Чемогуров окольным. Он зарылся в схемы, паял, гнул железо, собирал приборы, испытывал, ломал, переделывал и в результате ничего не написал.

Мих-Мих защитил кандидатскую, стал доцентом и сейчас уже дописывал докторскую, а Чемогуров остался старшим инженером. За это время он придумал кучу схем, каждую из которых можно было оформить в виде кандидатской диссертации, если навести на нее научный блеск. То есть не просто выдать работающую схему, а объяснить, почему она работает, обложить гарниром из формул и заключить описание в солидный переплет.

Чемогуров ничего этого принципиально не делал.

В итоге создалась странная ситуация. Его приборы работали в других организациях. За Чемогуровым охотились доктора наук, руководители лабораторий, начальники отделов крупных КБ, переманивая его к себе. А он сидел в закутке за электроинтегратором и дымил канифолью. Он оставался свободным художником.

Житинский А.

Ж 74 Дитя эпохи и другие действующие лица : повести, рассказы / Александр Житинский. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 1024 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33083-2

Борис Стругацкий в похвальном слове о творчестве Александра Житинского настойчиво упирает на то, какой он замечательный фантаст, как уловил самую суть фантастики, как «незаурядное воображение и прирожденное чувство юмора вывели Александра Житинского в первые ряды отечественной фантастики». Да, все так... да не так. Вернее, не совсем так. Фантастика, фантазия, чудо, воображение, выдумка составляют основу любой хорошей литературы. И не только хорошей. Говоря обобщенно, любая литература — фантастика. А вот обратное верно не всегда, не любая фантастика — литература. К Житинскому это не относится, слава богу. Его литература живет. Потому что это литература. Настоящая, живая, востребованная.

Цикл о младшем научном сотруднике Петре Николаевиче Верлухине, составивший основу настоящего тома, один из самых известных в творчестве Александра Житинского. Собственно говоря, Верлухин — это портрет самого писателя, его отражение в литературном зеркале, то веселое, то с хитринкой, то удивленное, то задумчивое. Но ни разу не равнодушное, никогда без улыбки, да, бывает, что грустной, но как там поется в песенке? «Поскольку грусть всегда соседствует с любовью»? Именно так.

И дополнительное тому подтверждение — другие повести, включенные в книгу, не относящиеся к дням и трудам Верлухина. В них та же легкость, тот же озорной дух, то же «незаурядное воображение и прирожденное чувство юмора», о которых писал Стругацкий.

Повесть «Третий семестр», входящая в «верлухинский» цикл, публикуется впервые.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ
ДИТЯ ЭПОХИ
И ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Попова, Полина Малышева, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.08.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 62,72. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-ARL-42430-01-R